

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6517335>

УДК 343

Упоров И.В.

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России, 350005, г.Краснодар, ул. Ярославская, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Уголовно-процессуальные аспекты в Судебнике 1497 года: историко-правовой контекст

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности судопроизводства по уголовным делам в нормах важнейшего процессуального акта Московского государства второй половины XV в. – Судебника 1497 г. Дается описание системы судостроительства, функции и полномочия судебных инстанций, приводятся точки зрения ученых на отдельные стадии судопроизводства. Выделены и охарактеризованы судебные инстанции, которые в Судебнике были упорядочены иерархически. Рассмотрен вопрос об использовании пытки в судопроизводственном процессе и её правовом регулировании. Описаны стадии судебного процесса: допрос обвиняемого, очная ставка, при необходимости – пытки обвиняемого. Отмечается, что Судебник 1497 г. знаменует собой окончательный переход на розыскной тип уголовного процесса, когда государство берет на себя защиту наиболее важных ценностей, сформированных в обществе.

Ключевые слова: судебник, уголовный процесс, судья, розыск, пытка, приговор.

Uporov I.V.

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 350005, Krasnodar, ul. Yaroslavskaya, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Criminal procedure aspects in the Sudebnik of 1497: historical and legal context

Abstract. This article examines the peculiarities of criminal proceedings in the norms of the most important procedural act of the Moscow State of the second half of the XV century – the Judicial Code of 1497. The description of the system of judicial system, functions and powers of judicial instances is given, the points of view of scientists on separate stages of legal proceedings are given. The judicial instances, which were arranged hierarchically in the Judicial System, are identified and characterized. The issue of the use of torture in the judicial process and its legal regulation is considered. The stages of the trial are described: interrogation of the accused, confrontation, if necessary, torture of the accused. It is noted that the Judicial Code of 1497 marks the final transition to the investigative type of criminal process, when the state takes over the protection of the most important values formed in society.

Key words: judicial officer, criminal trial, judge, search, torture, sentence.

Во второй половине XV в. Московское государство, как известно, стало активно укрепляться, что видно по созданию целой системы приказов, характеризующих централизацию гос-

ударственного управления. Этот процесс находил отражение в законодательных актах, и если иметь в виду регулирование уголовного процесса, а именно это является предметом нашего исследования, то

наиболее характерным являлся Судебник 1497 г. [1].

Здесь необходимо, прежде всего, отметить то обстоятельство, что к рассматриваемому периоду истории российского государства вместе с укреплением централизованности государственного управления менялся и тип уголовного процесса. Если раньше, в период раннефеодальной государственности, он был состязательным, то есть, потерпевший должен был самостоятельно обвинять нанесшего вред и представлять соответствующие доказательства, то теперь укрепившееся государство основную часть добывания доказательств и изобличения преступников стало брать на себя, и тем самым стал развиваться розыскной тип уголовного процесса.

Такое изменение объясняется, очевидно, прежде всего, тем, что вместе с развитием и углублением социальных отношений в обществе все больше и больше выделяются такие важные для многих членов общества ценности, которые нуждались в дополнительной защите, и эту защиту как раз и должно было обеспечивать государство – в данном случае посредством уголовно-процессуального производства. И в этом смысле Судебник 1497 г. представляет немалый интерес. В целом этот закон исследован во многих публикациях (авторы Ю.Г. Алексеев, А.А. Зимин, Н.О. Добротвор, И.И. Смирнов, Л.В. Черепнин, С.И. Штамм, С.В. Юшков и др.), что избавляет нас от детального рассмотрения данного закона. Соответственно в центре нашего внимания будут те процессуальные аспекты, определяющие порядок производства по уголовным делам, которых в Судебнике достаточно много, что дает основание считать их как начало системного регулирования уголовного процесса [2, с. 38]. Предварительно заметим, что данный Судебник, несомненно, вобрал в себя нормы более ранних актов, регулировавших данную сферу общественных отношений (Русская Правда, Псковская судная грамота и др.). Нужно еще также заметить, что Московское государство тогда еще не было единым государством, в

ряде территорий сохранялась некоторая самостоятельность, в том числе по судебным делам, например, московские недельщики в Рязань не ездили, и полномочия московского суда на Рязань не распространялись – там имела силу своя администрация со своими традициями [3, с. 128].

Уголовно-процессуальные нормы в Судебнике начинается со ст. 37, которая именуется как «Указ наместником о суде городским», где выделяются наместничий суд, боярский суд и великокняжеский суд. Как видно, имело место разделение судебных инстанций по иерархии. Помимо этих общих судов функционировали также церковные и вотчинные (сеньориальные) суды [4, с. 503] (они вне нашего внимания). Некоторые приказы также наделялись судебными функциями [5, с. 43], более того, именно в приказах проводилось первоначальное расследование преступлений, и прежде всего это касалось деяний против государства. Но в любом случае приказы руководствовались Судебником.

Как отмечалось, нижней судебной инстанцией был наместничий (волостельский) суд, который состоял из наместника в городах или волостеля в уездах – как представителей великокняжеской власти на суде, и дворского или старосты и «лучших» людей, как представителей общества. По Судебнику ни наместник, ни волостель без дворского, старосты и лучших людей не могли судить. Кроме того, как пишет Ю.Г. Алексеев, в состав наместничьего суда входили тиун, на котором лежало начальное производство судебного дела, и дьяк, который занимался делопроизводством. Судебные пошлины от наместничьего суда по Судебнику делились на три разряда: пошлины от иска; пошлины от судебного поединка; пошлины от правых грамот, от холопских правых грамот и отпусковых. Боярский суд состоял из боярина или окольного и дьяка. Представителями от земщины (общины) были те же, что и в наместничьем суде. Пошлины были тех же видов. Великокняжеский суд был представлен великим князем или его сыном или боярином, которого

назначал великий князь. В тексте Судебника, таким образом, регулируются принципы отправления правосудия, которые закреплены в ст. 38, где, в частности, запрещалось брать «посулы» от участников судебного процесса. Обязательное присутствие дворского на суде свидетельствует о проникновении в волость великокняжеских (дворцовых) земель и людей, о тесной связи и переплетении управленческих и частнохозяйственных функций великокняжеской администрации в ее низшем эшелоне [6, с. 297]. Что касается участия «судных мужей» в отпращивании правосудия, то этот вопрос довольно активно комментировалось историками. Согласно мнению И.Д. Беляева, присутствие на суде представителей «мира» есть «законом скрепленное утверждение обычных прав крестьянской общины». Закон стремится «поддержать и восстановить то, что некоторые общины с течением времени... стали утрачивать». Великий князь Иван Васильевич был «самым усердным утвердителем крестьянских прав» [7, с. 55]. Присутствие представителей «мира» на суде наместника, как считает А.А. Зимин, являло собой «процессуальный институт, введенный в период усиления Русского государства». Появление этого института, направленного на ограничение произвола кормленщиков, - «закономерный этап в общем процессе развития и укрепления государственной власти» [8, с. 217]. Подавляющее большинство судов на местах происходило с участием представителей местного мира.

В общем случае процесс по уголовным делам начинался самими судебными органами, которые обычно вместе с тем были и административными органами, часто заинтересованными в жалобе. Обвиняемого либо подвергали аресту, либо требовали за него надежного поручительства. Активность сторон в судебном разбирательстве была минимальной, и, наоборот, исключительное значение приобрели распоряжения судьи. В розыске сам суд изыскивал доказательства, допрашивал обвиняемого, пытал, устраивал очную ставку, проводил другие следственные действия.

На основе этого практика выработала своеобразную форму судебного процесса – «облихование». «Облихование» порождало особый субъект – «лихого человека», его появление в деле придавало особую значимость состава преступления. К «лихим», то есть особо опасным делам относились: разбой, грабеж, поджог, убийство, особые виды кражи (татьбы), заговор. Но не требовалось доказывать, что совершены определенные, конкретные преступления, достаточно было установить на основании опроса «лучших» людей, что обвиняемый был «ведомо лихим человеком». К «лучшим» людям относились боярские дети, дворяне, представители верхушки посада или крестьянской общины. Наказания за одни и те же преступления разнились, одни были для «лихих людей», другие для не «облихованных». При этом основными средствами розыска были поличное (улики), повальный обыск и пытка. Повальный обыск, как и в Древнерусском государстве, заключался в опросе местных жителей. Обыск производили губные учреждения, а также воеводы, причем допрашивались люди всей губы или представители (по одному) от каждой выти. При повальном обыске отбирались не только показания тех людей, которые сами видели какое-либо событие, но и тех, которые слышали или даже просто были убеждены в том или ином важном для розыска факте. Общее «облихование» (обвинение) означало виновность и могло повлечь, согласно ст. 39 Судебника, суровое наказание, вплоть до смертной казни. Если же при повальном обыске общество называло уличаемого «добрым» человеком и показывало, что он не «бывал уличаем» прежде, то его били кнутом на торгу и отдавали на поруки, а ежели порук по нем не было, то его сажали в тюрьму до тех пор, пока не находились поруки. Как видно, судьба подозреваемого во многом зависела от мнения людей, знавших его.

В этом контексте представляет интерес использование пытки в судопроизводственном процессе. Такое процессуальное действие появилось и закрепилось именно

в период Московского государства. Так, С.В. Юшков отмечает, что облихованного человека пытали с целью вынудить собственное признание в преступлении и указание на соучастника. Обычным видом пытки на Руси была так называемая дыба. Обвиняемому завязывали сзади руки, привязывали к ним веревку, и этой веревкой через блок, укрепленный на потолке, выворачивали их из плеч. Были и другие способы пытки. Пытали неоднократно: в первый раз вынуждали признание в том преступлении, которое вменялось; во второй раз добивались признания в других преступлениях. Все, кого пытаемый оговаривал при пытке, становились обвиняемыми и подвергались, в свою очередь, всем процедурам сысканого процесса. Если же преступник был пойман с поличным во второй раз, то его подвергали пытке, и если он под пыткой сознавался в преступлении, то его, как отмечалось выше, наказывали, а если не сознавался, то о нем также производился повальный обыск. Приговор выносился судьями, которые присутствовали на судебном разбирательстве. Приговоры приводились в исполнение органами судебной власти самостоятельно [4, с. 570].

Пытка, таким образом, была одним из основных способов выяснения обстоятельств дела при производстве дел розыском: «правительство приняло на себя обязанность истца и не усомнилось ввести в уголовный процесс новое доказательство, неизвестное в гражданском процессе, именно пытку, на которой и был основан весь новый порядок судопроизводства» [9, с. 389]. Помимо повального обыска, пытки, очной ставки при розыске применялись и освидетельствования, и осмотр места происшествия. В связи с изложенным, следует заметить, что Судебник содержал немало признаков, сходных с судопроизводством, установленным еще во времена Русской Правды и носящим состязательный характер. Вместе с тем Судебник свидетельствует о возникновении новой формы процесса. Исследуя вопрос о государстве и праве централизованного государства, С.В. Юшков отмечает, что усиление

классовых противоречий в Московском княжестве в XV в. приводило к тому что при обвинении в наиболее серьезных преступлениях применялась следственная, или инквизиционная форма процесса, которая носила тогда название сыска, или розыска [10, с. 182]. Здесь дело начиналось либо по инициативе самого государства, либо по оговору (заявлению) кого-либо со стороны «добрых» людей. При доставке в суд обвиняемых возможность передачи ответчика на поруки ограничивалась – для этого требовалось разрешение вышестоящей инстанции. Недельщики должны были обеспечить доставку на суд самих обвиняемых, для чего последние подвергались задержанию согласно ст. 35 Судебника 1497 г. При этом замена сторон или предоставление вместо себя наймита не допускались.

Собственно судебный процесс заключался в том, что суд (судья) допрашивал обвиняемого, устраивал очную ставку, при необходимости дело доходило до пытки обвиняемого. Для отыскания «лихих» людей, как отмечалось выше, производились повальные обыски. Как писал в этой связи А.Ф. Кони, сплочение государств в одно целое и торжество монархического единства над феодальной раздробленностью объединяло суд, сосредоточивая его в руках специальных судей, назначаемых от короны – подобно служителям церкви, имевшим свой особый инквизиционный процесс, коронные судьи начинали разыскивать доказательства преступления и доискиваться виновности подсудимого [11, с. 319]. Под влиянием церкви, которая все более и более сливалась с государством, постепенно устранялись «кровавые» доказательства, исчезали всякие следы ордалий, не назначались более судебных поединков. Однако при этом в период Судебника «связанное с формальной проповедью мира и человеколюбия влияние церкви на светский суд привело к обратному результату, усвоив этому суду приемы и обстановку своих исследований. Очищенная церковью от воззрений феодального времени, система доказательств

сосредоточилась на показаниях, и прежде, и главное всего на собственном сознании и оговоре. Это сознание надо добыть во что бы то ни стало – не убеждением, так страхом, не страхом, так мукою Средством для этого является пытка, которую делать все-народно - и суд уходит в подземелье, в застенки. Там суд заносит в свои мертвые и бесцветные записи признания, данные с судорожными рыданиями или прерывающимся, умирающим шепотом. Отсюда – отсутствие, очевидно, бесполезной, защиты, безгласность, письменность и канцелярская тайна» [11, с. 320].

Однако в литературе указывается, что, например, «пересуд» можно расценивать как апелляционную жалобу [12, с. 109]. В этой же связи можно назвать и нормы Судебника о необходимости решать дела без волокиты (ст. 36), а выше упоминалась возможность «взятия на поруки», в литературе справедливо указывается также

на содержащиеся в Судебнике обязательность приема жалоб [13, с. 84], снижение наказания в случае признания вины [14, с. 217]. Поэтому, на наш взгляд, полагать, что уголовный процесс во времена Судебника, пусть даже связанный с применением пыток, совершенно отвергал защиту обвиняемого, было бы, на наш взгляд, неверно. Другое дело, что в централизованном государстве, каковым уже было Московское государство, институт защиты, конечно же, уступал институту обвинения.

Таким образом, в результате проведенного анализа были рассмотрены уголовно-процессуальные аспекты Судебника 1497 года. Данный свод законов contained в себе законодательные акты, регулирующие уголовный процесс. В то время Московское государство стало активно укрепляться, что видно по созданию целой системы приказов, характеризующих централизацию государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М.: Юрид. лит-ра, 1985. Т. 2. С. 54-62.
2. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб.: Альфа, 1995. 846 с.
3. История России с древнейших времен до 1861 года / Под ред. Н.И. Павленко. М.: Высшая школа. 2000. 560 с.
4. Юшков С.В. История государства и права России. Ростов-на-Дону. 2003. 735 с.
5. Высшие органы государственной власти и управления в России 1X-XX вв. / Под общ. ред. А.С. Тургаева. СПб.: Образование-культура. 2000. 366 с.
6. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб. 2001. 446с.
7. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. М.:Кн. мг. А.Д. Ступина. 1903. 306 с.
8. Памятники русского права. Т. III / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: ГОсюриздат, 1955. 527 с.
9. Калачев Н. Об уголовном праве по судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. М.: Типогр. Университета. 1842. Т. 2. С. 306-408.
10. Юшков С.В. Судебник 1497 г. К внешней истории памятника // Ученые записки Саратовского государственного университета, факультета хозяйства и права. Т.5. Вып.3. Саратов. 1926. С. 172-203.
11. Кони А.Ф. Собр.соч. Т. 4. М.: Юрид. лит-ра. 1967. 543 с.
12. Шабунина О.В. К вопросу истории и развития апелляционного обжалования // Legal Concept. 2015. № 1(26). С. 105-110.
13. Крымов В.А. Предпосылки становления процессуального порядка начала производства по уголовному делу в российском законодательстве XI-XVII вв. // Пенитенциарная наука. 2018. № 1 (41). С. 82-87.
14. Корякин А.Л. История развития законодательства об ускоренных производствах в российском уголовно-процессуальном праве // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 214-220.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Sudebnik 1497 g. // Rossijskoe zakonodatel'stvo H-HH vekov. V 9 t. M.: Jurid. lit-ra, 1985. T. 2. S. 54-62.
2. Chel'cov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-processual'nogo prava. SPb.: Al'fa, 1995. 846 s.
3. Istorija Rossii s drevnejshih vremen do 1861 goda / Pod red. N.I. Pavlenko. M.: Vysshaja shkola. 2000. 560 s.
4. Jushkov S.V. Istorija gosudarstva i prava Rossii. Rostov-na-Donu. 2003. 735 s.
5. Vysshie organy gosudarstvennoj vlasti i upravlenija v Rossii 1H-HH vv. / Pod obshh. red. A.S. Turgaeva. SPb.: Obrazovanie-kul'tura. 2000. 366 s.
6. Alekseev Ju.G. Sudebnik Ivana III: Tradicija i reforma. SPb. 2001.446s.
7. Beljaev I.D. Krest'jane na Rusi. M.:Kn. mg. A.D. Stupina. 1903. 306 s.
8. Pamjatniki russkogo prava. T. III / Pod red. L.V. Cherepnina. M.: GOSjurizdat, 1955. 527 s.
9. Kalachev N. Ob ugolovnom prave po sudebniku carja Ioanna Vasil'evicha // Juridicheskie zapiski. M.: Tipogr. Universiteta. 1842. T. 2. S. 306-408.
10. Jushkov S.V. Sudebnik 1497 g. K vneshnej istorii pamjatnika // Uchenye za-piski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, fakul'teta hozjajstva i prava. T.5. Vyp.3. Saratov. 1926. S. 172-203.
11. Koni A.F. Sobr.soch. T. 4. M.: Jurid. lit-ra. 1967. 543 s.
12. Shabunina O.V. K voprosu istorii i razvitija apelljacionnogo obzhalovanija // Legal Concept. 2015. № 1(26). S. 105-110.
13. Krymov V.A. Predposylki stanovlenija processual'nogo porjadka nachala proizvodstva po ugolovnomu delu v rossijskom zakonodatel'stve XI-XVII vv. // Penitenciarnaja nauka. 2018. № 1 (41). S.82-87.
14. Korjakin A.L. Istorija razvitija zakonodatel'stva ob uskorenyh proizvodstvah v rossijskom ugolovno-processual'nom prave // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 418. S. 214-220.

Поступила в редакцию 11.04.2022.
Принята к публикации 18.04.2022.

Для цитирования:

Упоров И.В. Уголовно-процессуальные аспекты в Судебнике 1497 года: историко-правовой контекст // Гуманитарный научный вестник. 2022. №4. С. 18-23. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/04/UporovI.pdf>